

ГВАРДЕЕЦ НА ТРИБУНЕ

Сцены бархатная коробка,
и в президиуме подряд
глыбы лбов и наград колодки
драгоценностями горят.
Телом благостным влитый в китель,
выступлений возглавив гладь,
счастлив вечера устроитель:
— Все по правилам, так сказать!..
Мастер кованого глагола
со шпиргалкою под рукой
им начальственно взят за горло:
— Отсебятины никакой!..
Вот и мямлит оратор: — Воины, —
цедит клей канцелярских фраз...
Слушай, гвардия, врежь по-своему,
как на фронте давал не раз!
Чувству нации быть ли тусклым?
После взрывчатых бранных сеч
пеплом тронутый воли сгусток, —
кто позволил тобой небречь?
Так ли прежде вещал на вече
и на сходке народ честной, —
отчего же из русской речи
нынче выпущен тон живой?
Ты, Суворов, твоя ли слава
Миру явлена лишь штыком, —
где ж пылятся твои уставы
с гениальным их языком?
На Руси ль речевой закваски
не хватает днесь? Отчего ж
вольный слог материнской сказки
на трибуну у нас не вхож?

Не храним самородный дар свой, —
или слог заповедный дик? —
скажем, зверь лесной государством
охраняется. А язык?
Браконьеры, как этот — в кителе,
лишь подделку приемлют «за»
и, влюбленные в заменители,
превращаются в тормоза...
Невозможно бороться с искусом:
встань, солдат, докажи, трубя,
что Россия желает высказать
в полном блеске сама себя.
Да не будет огонь потушен,
этот груз не изломит плеч:
жечь глаголом природным души,
если танки умели жечь!